

12 *выходной* ИНТЕРВЬЮ

ДЖЕЙМС БРЕТТ

В чем правда, Бретт?

Джеймс Бретт о художниках-самоучках, Софии Ротару и комбайне в полях Татарстана, о соотношении денег и творчества, о правде жизни и парадоксе современного искусства.

Джеймс Бретт — невысокий бородатый мужчина в очках с фиолетовыми стеклами. Он стоит на лестнице красного фургона без одной стены и надпись на торце: «Разыскиваются неизвестные художники России», где за столом сидят несколько человек и смотрят, как молодой человек разворачивает перед ним ковер (как потом оказалось, разрисованный красками), который он принес для «Выставки №5».

Красный передвижной фургончик — это пункт приема художественных работ, нарисованных, сшитых, вырубленных и другими способами сделанных творческими любителями и любителями с ограниченными возможностями, размещенными в Новой Голландии. «Выставка №5» — в России первая, а в мире пятая по счету экспозиция этих самых работ, финальная версия которой пройдет в сентябре в центре современной культуры «Гараж» в Москве. Джеймс Бретт — основатель лондонского The Museum of Everything (Музея всего), который собирает такие работы по всему миру и теперь заехал для этого в Петербург; следя из Лондона в Москву и пополню по пути коллекцию музея в Екатеринбурге, Казани и Нижнем Новгороде.

Джеймс, почему работы именно любителей и самоучек?

— Мне всегда нравилось такое искусство. Я погружался, почему в музеях его не показывают. Ведь это такой огромный пласт. Долгое время я такому народному творчеству никто сердечно не относился. Наверное первый, кто это сделал, был француз Жан Дюбофф (художник, коллекционер картин, рисунков и скульптур, созданных душевнобольными, инвалидами, чудаками-одиночками и др., давший этому название «арт-брют», то есть грубое искусство — Ред.).

Это удивительные по энергетике работы. На первой выставке, которую мы проводили в Лондоне, мы собрали работы людей с ограниченными возможностями, которые не имели специального художественного образования. В них чувствовалась огромная сила творчества. Причем делали они это не потому, что ощущали себя художниками или умели это делать, а потому что у них есть в этом творчестве внутренняя потребность.

Сегодня во многих профессиях стирается граница между профи и любителем: это относится к актерам, к фотографам. Даже к журналистам. Чем вы это объясняете?

— Вы называете творческие профессии. Креативность — это то, что, как показывает опыт, учебное заведение дать не может. Думаю, что в наше время отрывания границы оказывается высокий уровень образованности людей, знания можно перенести от человека к человеку. Кроме того, профессионализм во многих случаях сильно ограничивает. Я раньше снимал фильмы и замечал, что нетренированные актеры чаще правдивее играют, чем профессиональные.

При отборе работ вкусы жюри учитывают-
ся или все-таки это ваш выбор?

— Жюри — это художники, кураторы местных выставок. Очень мильные люди. Они смотрят работы, которые нам приносят, и либо это вызывает в них чувство, либо нет. Я тоже смотрю. Конечно, у меня есть свое мнение о том, что приносят. Я не диктатор, но если жюри идет вразрез с моим мнением... В общем, пару раз в день все-таки приходится быть Фиделе-

чувствует. Эти работы заражают своей энергией. Сегодня работы Джудит выставляются на лучших мировых площадках, есть они и в Музее всего.

Вы проехали по российским городам, чтобы пополнить новую выставку. Чем-то отличаются работы в зависимости от города?

— Отличия есть. Например, в Екатеринбурге искусство более провинциальное, чем в Петербурге. Там много уличных художников, которые творят в наивной манере. В Казани чувствуется много татарских мотивов. Там мы нашли одного человека, у которого одна половина полотна рассказывает о его любви к певице Софии Ротару, а другая половина — о любви к Татарстану.

Этот обычный человек. Всю свою жизнь он проработал строителем. Но у него удивительные работы. Их мы покажем на финальной выставке в Москве. На одном из его полотен изображено поселок, в котором стоит София Ротару, рядом с ней президент Татарстана, еще рядом — девушка художника и комбайн. Представляете?

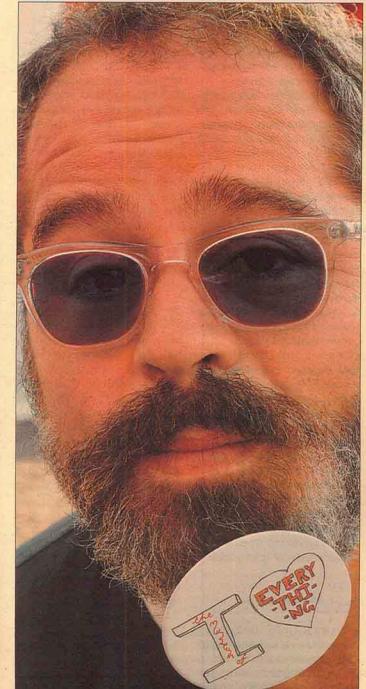
Если бы такую картину нарисовал какой-нибудь художник-авангардист с 25-летним стажем в Нью-Йорке, ее тут же купили бы коллекционеры или галеристы за огромные деньги. Но этот человек без художественного образования, без особых знаний о живописи, он никогда и нигде не выставлялся, за его картины никто денег не давал. Именно таким людям музей дает начальную платформу для того, чтобы выскакивать через то, что они создают. Это ни в коем случае не голос протesta. Это голос молчаливого большинства.

В Лондоне на выставке мы показывали работы Джудит Скотт. К сожалению, эти работы открыты только после ее смерти и они лишь в последнее время стали популярны. Джудит стала синдромом Дауна. Она не говорила и не слышала. Более 20 лет она делала из шерстяных коконов, внутри которых спрятаны разные предметы. Возможно, она даже не знала, что есть искусство. Для нее то, что она делала, искусством не было, для нее это была единственная возможность сказать о том, что она

Фото: Михаил Уткинский, а также из коллекции MUSEUM OF EVERYTHING и ЦСК «Гараж»

Проблема современного искусства в том, что сегодня можно все и это все может быть искусством.

лем Кастро (С намеком на кубинского лидера Джеймс проводит рукой по своей бороде).

Есть мнение, что в современном искусстве больше маркетинга, чем творчества...

— Наверное, я соглашусь. Когда в прошлом веке говорили об искусстве, то сразу представляли себе художника, работы которого выставляются в музее. Сегодня, рассуждая о современном искусстве, говорят о рынке. Этот переход от одного к другому понятие: в мире искусства крутятся немалые деньги, в последнее время коллекционирование стало престижным занятием, есть Интернет, который делает коллекционирование доступным. Мой отец, например, считает, что искусство не стоит больше той цене, которая потребчена на материалы, ну еще и время. И, знаете, очень часто мне кажется, что он прав.

Я не занимаюсь продвижением людей, которых мы открываем. Мы не коммерческий проект. Хотя работы покупают потом и галереи, и коллекционеры. Полученные деньги нашим художникам, как правило, хватает только на то, чтобы создать новую работу. Моя задача — показывать людям творчество других людей.

Джеймс, что для вас современное искусство?

— Сложный вопрос. Главная проблема современного искусства в том, что сегодня в нашем мире можно все и это все может быть искусством. Другое дело, что многие художники просто очень ленивые. Нередко из одних маленьких мыслей они пытаются сделать большое произведение. Когда они стоят 100 рублей — я смотрю и допускаю, что такое возможно. Но, когда за это произведение просят миллион долларов, я задаюсь вопросом: что это? Где? Что за мир меня окружает и вообще кто я в этом мире? Такие вещи возникают еще и из-за жадности галерей.

Вторая проблема современного искусства в том, что слишком много молодых художников. Я не уверен, что в молодости можно сказать нечто интересное многим людям. У золотых нет того опыта, на основе которого можно это сделать. Лишь мне интереснее видеть ре-

зультат размышлений 70-летней, чем 17-летней жизни.

Здесь, в России, меня окружает много жилых людей. И почему-то они маниакально хотят меня сыгнать, накормить, отчего я, как мне кажется, начинаю толстеть (Джеймс улыбается, опускает голову и скептически сбрасывает). При этом они рассказывают о своей жизни, и это фантастически интересно. В их рассказах и работах больше правды, чем в работах, сделанных в знаменитых и раскрученных художественных студиях. И, отвечая на ваш вопрос о том, что для меня означает современное искусство, скажу так: это зеркало. Зеркало, которое отражает современную жизнь. И лично мне в нем часто сложно найти свое отражение.

И как вы отличаете достойные работы?

— Знаете, я не лучшая персона, кого можно об этом спросить. У меня к этому предвзятое отношение. Но мое мнение об этом у меня есть. И состоит оно в том, что искусства не существует. У каждого из нас есть свой творческий потенциал. Благодаря ему и своему интеллекту мы что-то создаем, делаем руками, и это вызывает у других лидеров. Люди называют то, что создают, искусством, возможно потому, что надо было это так называть. Ну, называли искусством и называли. Потом просто разделение на высокое и низкое. И это разделение длится до сих пор. Но я уже много лет собираю работы этого самого низкого искусства, и как оказалось, низкое может быть выше высокого.

Люди, которые не имеют художественного образования, творят с немысльной энергией, чем те, кто окончил академию. Удивительнее всего, что это огромный пласт искусства, который до сих пор был скрыт от всех. Но этот пласт лично мне интересен, потому что в нем большие правды, чем в том, что нарисовано раскрученным профессиональным художником. Для меня критерий два: эта самая правда и красота. А красоту я понимаю очень широко, она безгранична. Собственно поэтому музей называется так — Музей всего.

angelika.tikhonova@dp.ru